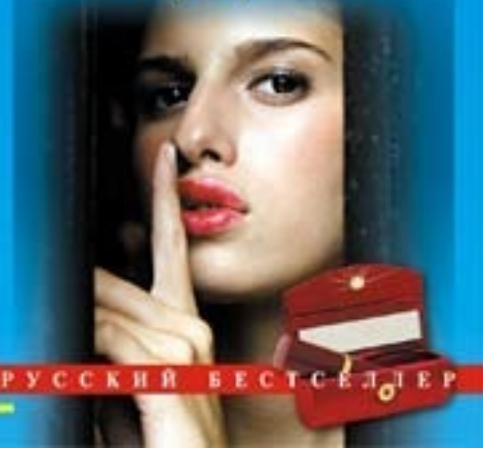

Марина
СЕРОВА

Дамская
ВЕНДЕТТА

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Дамская вендетта

«Научная книга»

Серова М. С.

Дамская вендетта / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Хороший сюрприз преподнесли актрисе Екатерине Барулиной перед самой премьерой. Подкинули в багажник ее автомобиля покойника. Но это еще не все! В тот же вечер кто-то угнал машину Барулиной вместе с пикантной начинкой. Катя в панике: побоялась заявить вовремя в милицию, а теперь правоохранительные органы сами ее ищут, чтобы предъявить обвинение в убийстве. Нужно обращаться к опытному сыщику, благо в их городе есть такой человек – частный детектив Татьяна Иванова. Она ас в своем деле и, конечно, найдет того, кто так зло подшутил над актрисой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Дамская вендетта

Глава 1

Высокая девушка в длинном голубом пуховике, нарисовавшаяся в зеркале заднего вида, сразу привлекла мое внимание. Она нервно озиралась по сторонам, подозрительно приглядываясь к машинам и прохожим. У меня ни на секунду не было сомнений, что эта странная особа и есть моя новая клиентка. Катя позвонила мне около часа назад, ее голос дрожал, а сбивчивые слова совсем не вязались друг с другом. С большим трудом, с помощью наводящих вопросов, мне все-таки удалось выяснить, что у нее возникли проблемы с машиной, но в милицию обращаться она категорически отказывалась. Мы договорились о встрече. Я тотчас собралась и выехала на условленное место.

Девушка подходила все ближе и ближе, но вдруг поскользнулась и едва не угодила под заднее колесо моей «девятки», стоящей на парковке около Детского парка. Поднявшись, она присмотрелась к номеру и, наверное, поняла, что нашла то, что искала. Я открыла дверцу и окликнула Катю, но клиентка неожиданно впала в ступор. Как ледяная статуя, она застыла около моей машины и не могла ни сдвинуться с места, ни вымолвить хотя бы слово.

– Катя! – снова позвала я, но на лице девушки застыл испуг. – Катя, это я, Татьяна Иванова, вы звонили полчаса назад. Прошу вас, садитесь и объясните мне толком, что у вас стряслось. Я постараюсь вам помочь.

От моих слов клиентка немного оттаяла и на негнущихся ногах пошла к открытой дверце. Усаживаясь на переднее сиденье, Катя ударила головой о крышу салона, но даже не ойкнула, закрывая дверь, прищемила полу длинного пуховика, но даже не заметила этого. Несколько секунд она не моргая смотрела в стекло, прямо перед собой, отдавшись во власть мрачных дум, потом разрыдалась, закрыв лицо руками и содрогаясь в нервных конвульсиях. Я не приставала к ней с вопросами, понимая, что надо дать клиентке выплакаться, иначе она так и не скажет ни одного слова. Я всегда старалась подстраиваться под характер и темперамент клиентов, ведь они кормят и одевают меня. Прежде чем задавать вопросы, мне пришлось милостиво позволить Катерине выплакаться.

Время шло, громкое рыдание перешло в тихий, почти беззвучный плач. Потом Катя постепенно стала успокаиваться, но не спешила рассказывать о своей беде. Пауза в нашем общении слишком затянулась. Молчание может настораживать или успокаивать, угнетать или ободрять, быть приятным или безразличным. Меня то молчание сильно интриговало. Мне было до жути интересно, что же такого особенного произошло с тачкой этой нервной девицы, если недавнее происшествие напрочь выбило ее из колеи. То, о чем она говорила мне по телефону, носило характер горячечного бреда. Скорее всего, многое было преувеличено, но какая-то доля правды, наверное, все-таки была в ее словах. Особенно Катерина настаивала на том, что в милицию ей обращаться никак нельзя.

– Вы точно сможете мне помочь? – с надеждой спросила она.

– Я приложу все усилия, чтобы это сделать, но вы толком не сказали, что именно у вас произошло.

– Как? Я же все рассказала вам по телефону! Разве вы меня не слушали?

– В ваших словах был сплошной сумбур. Я хотела бы услышать о том, что с вами произошло, еще раз, с самого начала и по порядку, а главное – поменьше эмоций.

– Хорошо, я повторяю. У меня угнали «шестерку», прямо с платной автостоянки. Я пошла сегодня утром забирать машину, а ее там нет, – выпалила клиентка на одном дыхании, потом разразилась новыми рыданиями.

«Может, она по своей натуре обыкновенная паникерша, и ничего из ряда вон выходящего не произошло?» – с досадой подумала я. Мое воображение уже нарисовало самый настоящий триллер, а тут, оказывается, был банальный угон, а клиентка – клиническая истеричка. Тачки уводят и из охраняемых гаражей, и со стоянок. Правда, «шестерка» не такая уж дорогая и престижная модель, чтобы на нее могли позариться при таких обстоятельствах, когда есть риск быть замеченными и остановленными охранниками. Обычно рядовые машины угоняют прямо с улицы. Ну почему же Катенька боится обращаться в милицию? Возможно, машина принадлежит родителям или мужу, и она не хочет шумихи. «Как же она убивается, бедняжка! Может, ей грозит смертельная опасность? Да, здесь определенно есть какая-то интрига! Таня, подожди еще немного, скоро ты все узнаешь».

– Нет, все началось не сегодня, а вчера в середине дня, а может быть, даже еще раньше, – сказала клиентка и высморкалась. – Простите...

– Так, когда угнали машину? – уточнила я.

– Сегодня, или вчера вечером, или ночью, – продолжила Катерина срывающимся от волнения голосом. – Я точно не знаю. Вчера около четырех часов я оставила машину на стоянке, а сегодня утром ее уже там не было. Представляете?

– Возможно, ее забрал кто-то другой, – я осторожно намекнула на то, что пока не вижу ничего криминального. – Кто-нибудь из ваших близких имеет ключи от «шестерки»?

– Имеют, но не в том дело. Ее угнали, потому что там... потому что там, в багажнике... да, в багажнике... Я не знаю, как вам это сказать.

– Как есть, так и говорите.

– В багажнике был труп, – еле слышно проговорила Катя и закрыла лицо руками.

«Опаньки! Таня, сюжет начинает лихо закручиваться. Банальным угоном здесь уже и не пахнет», – подумала я и решила сразу же «брать быка за рога». Катя дрожала, как в лихорадке, и закрывала лицо руками, вероятно, чувствуя свою вину.

– Вы наехали на человека и спрятали труп в багажник своей машины? – Я высказала вслух свое первое предположение, не успев толком обмозговать такой поворот событий и проявить деликатность.

– Да как вы могли такое подумать! Ни на кого я не наезжала! Я понятия не имею, откуда он там взялся. Вы мне не верите! Я так и думала, что мне никто не поверит. Это ужасно, ужасно...

– Успокойтесь, я не собираюсь обвинять вас во лжи. Просто сам собой напрашивается вывод – если вы знали, что в багажнике жмурик, и оставили машину на платной стоянке, значит, дали себе время на размышления, что делать с ним дальше.

– Нет, все было не так! Я к вам за помощью обратилась, а вы меня сразу обвиняете! Выходит, что зря позвонила вам. Придется мне самой все это как-то расхлебывать. – Катерина открыла дверцу и собралась выйти, но я ее остановила.

«Может, эта дуреха здесь действительно ни при чем, – подумала я и подбадривающе улыбнулась заплаканной девушке. – Надо ее внимательно выслушать».

– Простите, если я вас обидела своими подозрениями. В моей частной практике всякое бывало. Я просто хотела знать правду, и меня радует, что вы никого даже по случайности не отправляли на тот свет. – Я заметила, что Катя грустно улыбнулась, поэтому попросила: – Расскажите мне, пожалуйста, все с того самого момента, когда вы обнаружили труп в багажнике. При каких обстоятельствах это произошло?

– Вчера я вышла из дома и подошла к своей машине, которая стояла во дворе, чтобы поехать на работу. Перед этим всю ночь и весь день шел снег, «шестерку» завалило, и я хотела

достать из багажника щетку, чтобы смести снег. Открыла его, а там... – Катя замолчала и внимательно посмотрела на меня, словно пыталась оценить, какое впечатление произвели на меня ее слова. Удостоверившись, что я слушаю ее с подобающим вниманием, она театрально воскликнула: – Там было такое!.. Это ужасно! Страшнее самых безумных фантазий! Он смотрел на меня!

– Кто смотрел? Покойник? Или там был еще живой человек?

Катя отчаянно замахала руками и произнесла тихим вкрадчивым голосом:

– Нет, конечно, покойник. Я понимаю, что мертвец уже ничего не видит, но его глаза были открыты, и создалось впечатление, что он смотрит на меня. Знаете, в них был такой страх, будто покойник сам меня испугался. Я же, как увидела его, едва в обморок не упала. Впрочем, упасть я не могла, потому что все мои внутренности словно бы сжались, а мозг сковало от ужаса. – Катя театрально закатила глаза, и мне показалось, что она заранее подготовила все эти реплики и жесты. – Я ничего не соображала. Кошмар той минуты, наверное, останется со мной на всю жизнь... Мало-помалу я стала приходить в себя, обрела способность двигаться и кое-что соображать. Оглядевшись по сторонам, я поняла, что никого рядом нет и никто не видел труп, поэтому просто закрыла багажник, смахнула рукавом снег с лобового стекла и села в машину. Вы спросите меня, почему я не позвонила в милицию?..

– Конечно, спрошу. Почему вы сразу же не вызвали милицию?

– Дело в том, что я работаю в театре, у нас вчера была премьера, и опоздать на нее я просто не имела права. Милиция наверняка бы меня быстро не отпустила, значит, я опоздала бы и подвела всю труппу и режиссера. У меня выход уже в первом акте, а грим очень сложный. Я решила, что обращусь в милицию после спектакля, но не получилось.

– Почему?

– Мне не дали уйти. Знаете, спектакль прошел с большим успехом, мне даже сказали, что я превзошла себя. На репетициях мне не хватало экспрессии, а на премьере страсти кипели. Никто же не знал, что я пережила, какое потрясение испытала! Наверное, это и помогло мне сыграть иначе. – Катерина замолчала, и я поняла, что непременно должна что-то ей сказать, морально поддержать.

– Да, наверное, это было щекочущее нервы ощущение. Вы знали, что в вашей машине труп и вам рано или поздно придется как-то разруливать эту ситуацию?

– Вот именно! Но обращение в милицию снова отложилось на потом. Сразу после спектакля был фуршет в театральном буфете. Я, конечно, заранее знала об этом и хотела незаметно улизнуть, но меня буквально силой задержали. Знаете, Татьяна, в этой пьесе у меня была первая серьезная роль, не самая главная, но и не эпизодическая. Я так ждала этой премьеры... Фуршет для меня тоже очень много значил. Я подумала, что на улице холодно, поэтому труп быстро не станет разлагаться и можно немного повременить с тем, чтобы обратиться в милицию. Вы, наверное, считаете меня циничной и бездушной? Сознание того, что я совершаю что-то противозаконное, сильно тяготило меня, но иного выхода у меня не было. Татьяна, а как бы вы поступили на моем месте? – Клиентка вперилась в меня немигающим взглядом.

– Я понимаю, что срывать премьеру было смерти подобно, во всяком случае, из театра вас могли бы и попросить после этого. Но как вы не испугались ехать на машине с таким опасным грузом? Вдруг вас остановили бы гаишники и, не дай бог, стали бы делать досмотр автомобиля? Увы, такое иногда случается. – Глаза Катерины округлились, и я подумала, что она, вероятно, садясь за руль, даже не подозревала, что ей грозит такая опасность. – Я бы на вашем месте, пожалуй, оставила бы тачку на месте и отправилась в театр на такси или на общественном транспорте, а уже потом обратилась бы в милицию. А вы, Катя, действовали очень неосмотрительно.

– Возможно, вы правы. Но я была так ошарашена произошедшим, что все предусмотреть не могла. Когда страх немного отпустил меня, я прикинула несколько вариантов, и этот выход

показался мне самым лучшим. Я имею в виду – поставить машину на стоянку, чтобы никто к ней не прикасался. В голове было только одно – в театр опаздывать нельзя, вот я и села за руль, но ехала очень аккуратно, скорость не превышала, никого не обгоняла, у светофоров и пешеходных переходов останавливалась. Знаете, мое сердце стучало, как перегретый мотор, но я постаралась справиться с этим волнением.

«И это называется, что она ничего не сообщала! – усмехнулась я про себя. – Интересенькое дельце! А, может быть, Катенька все-таки лапшу на уши мне вешает? Она ведь, оказывается, актриса! Ей не составит особого труда разыграть этот панический страх и растерянность. Впрочем, если она сейчас играет, то очень бездарно. Ее рассказ слишком уж напыщенный. Ладно, послушаю дальше». Я достала из кармана пачку сигарет и предложила Кате закурить.

– Спасибо, я не курю. Выпить могу, а к сигаретам равнодушна, тем более от курения голос портится, а для моей профессии это почти катастрофа. Ой, простите, наверное, это происходит не со всеми. Вот на вас курение никак не повлияло. Так, на чем же я остановилась?

– Вы сказали, что поехали на машине в театр, намереваясь позвонить в милицию после спектакля.

– Да, да, так я и собиралась поступить. Но на фуршете, сами понимаете, я выпила, поэтому после него обратиться в милицию не могла, ведь идти на стоянку в таком состоянии было глупо. Я никогда пьяной не сажусь за руль, поэтому мне показалось, что логичнее всего сделать это утром.

– Что – это?

– Прийти за машиной, отъехать куда-нибудь со стоянки, потом открыть багажник, удивиться и вызвать милицию. Так я и собиралась поступить. Знаете, я шла сегодня на стоянку с надеждой, что произойдет чудо, что труп исчезнет из багажника так же неожиданно, как и появился там. Пришла, но уже с улицы заметила, через сетку-рабицу, что моей «шестерки» нет. Покойник исчез вместе с машиной, но это меня не обрадовало, а, наоборот, напугало. Я не знала, что мне делать дальше. Угон стал очередным ударом. Я бродила по улицам в поисках нужного решения, а потом меня осенило: надо обратиться к частному детективу.

– Подождите, Катя, так вы не спрашивали у охранника, где ваш автомобиль, кто его забрал?

– Нет, я очень испугалась и решила не обращать на себя внимания.

– Может, «шестерку» забрал кто-то из ваших близких?

– Это исключено. Ключи есть только у моей мамы, но она ведь не знала, что моя машина находится именно на той стоянке! К тому же я видела ее в зале, а после спектакля мы обмолвились несколькими словами. Мама ничего не говорила о том, что ей нужна моя «шестерка». Сегодня я на всякий случай позвонила мамочке, правда, ничего не стала объяснять, но между делом выяснила, что ее «Пежо» на ходу. Я сначала подумала, что кто-то заявил в милицию насчет трупа, а потом предположила, что «шестерку» угнал тот, кто положил туда труп. Что он задумал, мне неизвестно. Конечно, мне надо было сразу обратиться в милицию, а теперь это невозможно. Мне там не поверят, и вы, наверное, тоже не верите. – Клиентка сделала кислую мину, мне показалось, что она снова вот-вот заплачет.

– Катя, все, что вы говорите, не вызывает у меня никаких сомнений, – заверила я артистку, чтобы предотвратить очередной поток ее слез, хотя мои слова были правдой лишь отчасти. Сюжет Катиного рассказа казался мне далеким от реальности, похожим на детектив в духе зарубежных классиков этого жанра. Впрочем, в жизни порой встречаются и надуманные острые сюжеты. Я решила пока не уничтожать клиентку своими подозрениями, поэтому предупредила: – Я сейчас буду задавать вам много вопросов, но вовсе не потому, что не верю вам. Просто для того, чтобы начать расследование, мне надо знать буквально все детали. Понимаете?

Катерина вместо ответа кивнула. Она была согласна удовлетворять мое профессиональное любопытство.

– Вы на все сто процентов уверены, что это был труп человека, а не живой человек и не кукла?

– Кукла? – удивилась актриса. – Зачем подсовывать мне куклу?

– Ради розыгрыша.

– Я уверена, что там был мертвец, – твердым голосом сказала Катерина. – Мне запомнились его голубые-голубые глаза и примерно трехдневная небритость на лице.

– Значит, это был труп мужчины. Вы с ним были знакомы при его жизни или по крайней мере видели его когда-нибудь раньше, возможно, мимоходом?

– Нет, никогда не видела.

– Это был молодой мужчина, средних лет или старый?

– Трудно сказать, – Катя немного подумала, затем сказала: – Думаю, что тридцать ему уже было. Скорее даже около тридцати пяти.

– Вы видели кровь?

– Нет, крови, кажется, не было видно, труп был во что-то завернут, в одеяло или коврик, я точно не помню. На виду была только его голова. Знаете, у него были темные волнистые волосы средней длины, до плеч. Они прикрывали уши. Мне почему-то кажется, что этот человек при жизни не был бедным. Я не могу точно объяснить, на чем основано мое мнение, но я почти уверена, что это не бомж. Знаете, Татьяна, у него был приоткрыт рот, и я запомнила его зубы. – Катя неестественно оскалилась, обнажая свои ровные крупные зубы. – Да, именно зубы позволили мне сделать такой вывод.

– Они были золотыми?

– Нет, они были белыми-белыми, как в рекламе зубной пасты.

– Ясно, вот видите, вы успокоились и много сведений, полезных для расследования, вспомнили. А теперь давайте подумаем, когда покойник мог попасть в вашу машину. Вы ведь, наверное, уже задавались этим вопросом?

– Да. Времени, чтобы его туда подложить, было много, но я думаю, что это сделали позапрошлой ночью.

– Почему именно ночью?

– Ночью свидетелей нет, все спят.

– Это еще не факт. Когда вы в предпоследний раз заглядывали в багажник?

– Позавчера вечером, там его не было. Перед тем как поехать из театра домой, я достала из багажника щетку, смела снег и потом села за руль. По дороге я нигде не останавливалась и не выходила из машины до самого дома. На ночь я всегда оставляю машину во дворе, так многие делают. У нас двор замкнутый, въезд через железные ворота арки, они закрываются на замок.

– В котором часу вы приехали домой?

– Около девяти вечера, сразу после спектакля. У меня была эпизодическая роль в первом акте.

– Значит, теоретически труп мог появиться в вашей машине в промежуток с двадцати одного часа до пятнадцати тридцати следующего дня. – Я стала рассуждать вслух. – Да, наверное, вы, Катя, правы, скорее всего, его загрузили туда глубокой ночью. Часика в три-четыре, когда в доме уже не осталось горящих окон. А скажите-ка мне, у кого-нибудь из жильцов вашего дома есть такая же или похожая модель, словом, классические «Жигули»? Кстати, вы не уточнили, какого цвета ваша «шестерка».

– Красного. Вы думаете, мою машину перепутали с другой?

– Я не исключаю такой возможности.

– «Шестерки» и «семерки» есть, но только не красные. Хотя ночью под снегом цвета не различишь.

– Вы всегда оставляете свое авто на одном и том же месте?

– Да.

– И позавчера ваша «шестерка» стояла там же? – уточнила я, и Катя утвердительно кивнула головой. – А в непосредственной близости были другие «Жигули»?

– Нет. С одной стороны «Газель» стояла, за ней «БМВ», а с другой мама обычно ставит свой «Пежо», когда ночует у меня. Это бывает не так часто, поэтому это место той ночью пустовало. Чуть поодаль «ракушка» с горбатым «Запорожцем», вот и все близкое соседство. А «шестерка» и «семерка» с другой стороны дома паркуются.

– Может быть, вы обратили внимание на какие-нибудь следы около машины?

– Нет, никаких следов не было. Все было завалено снегом.

– Разумеется, вы не заметили, чтобы за вами вчера кто-то следил?

– Не заметила, хотя, когда ехала в театр, приглядывалась к окружающим машинам. Ничего и никого подозрительного не заметила. Впрочем, был снегопад, и видимость оставляла желать лучшего. Пришлось включать габаритные фары.

– Катя, может быть, вы кого-нибудь подозреваете в этом преступлении? – спросила я, внимательно наблюдая за реакцией актрисы.

– Татьяна, вы какая-то странная! Я понятия не имею о том, как звали убитого, кто он таков, так как я могу кого-то подозревать в его убийстве?

– Наверное, я неправильно выразилась. Мне хотелось бы знать, есть ли у вас враги или недоброжелатели, которые могли устроить вам такую подлянку – свалить на вас убийство?

– Нет, у меня нет врагов, – сразу же заявила Катерина.

– А если хорошенько подумать?

Катя пожала плечами и устремила на меня растерянный взгляд. Теперь, когда она перестала рыдать и открыто смотрела на меня, я смогла лучше разглядеть черты ее круглого лица. Они были крупными, хотя правильными я бы их не назвала. Большие серо-зеленые глаза казались слишком далеко расставленными друг от друга, нос с заметной горбинкой, а губы – чрезмерно пухлыми. Тем не менее это была довольно эффектная особа, не лишенная привлекательности.

– Извините, но я не могу даже представить себе, кто из моих знакомых способен на такое.

– Вполне возможно, что покойничек по чистой случайности попал в твою машину. Насколько я поняла, ты думаешь точно так же. Значит, так, я считаю, что начать ее поиск надо со стоянки. Кстати, давай перейдем на «ты»! – предложила я.

– Давай, – согласилась Катерина. – Вы... то есть ты пойдешь сейчас на стоянку и поговоришь с охранником?

– Нет, туда пойдешь ты, причем так, будто сегодня там еще не была. Искренне удивишься, что твоей машины нет, и поинтересуешься у охранника, где, собственно, она.

– Я боюсь.

– Чего?

– Вдруг ее милиция оттуда забрала. Может быть, им кто-то сообщил, что в моей машине труп, они и забрали ее, а на стоянке устроили на меня засаду. Кстати, утром в будке охранника была какая-то толпа, я это через окно увидела, вот и побоялась себя обнаружить.

– Да, такой поворот событий возможен. В этом случае тебя уже по всему городу начали разыскивать, – сказала я и увидела на лице Катерины неподдельный ужас. – Не волнуйся, сейчас я узнаю у одного знакомого, есть ли на тебя ориентировка?

– А если есть, что тогда?

– Тогда все равно надо идти на стоянку и делать вид, что ни о каком трупе ты ни сном ни духом. Другого выхода у нас с тобой просто-напросто нет. Если вдруг тебя задержат, то ненадолго, снимут показания и отпустят. Ты ведь на самом деле могла ничего не знать о жмурике, на этом тебе и надо настаивать.

– Нет, мне как-то боязно. Я думала, что ты будешь везде за меня ходить, во всяком случае, мне Валька так и говорила.

– А кто такая Валька?

– Это моя подружка, она мне твой телефон дала.

– Значит, ты рассказала о случившемся своей подруге и до сих пор молчишь об этом?

– Нет, я ей ни о чем не рассказывала. Мы общались с ней только по телефону. Она мне как-то рассказывала, что к ней на работу приходила сыщица. Вы должны ее помнить, это Валя Мозалева, она работает кассиром на железнодорожном вокзале. Ты ей какие-то вопросы про пассажирку, купившую у нее билет, задавала и оставила свою визитку.

– Да, я припоминаю этот случай, Мозалева здорово помогла мне.

– Вот я и подумала...

– Нет, Катенька, на стоянку тебе придется идти самой, а я буду рядом и постараюсь тебя поддержать. Где она находится? Мы немедленно едем туда!

Актриса заартачилась, мне пришлось задействовать все свое красноречие, чтобы убедить ее в необходимости этого мероприятия. Она почти согласилась, а потом вдруг вспомнила о том, что я обещала у кого-то выяснить, объявлен ли на нее розыск. Разумеется, звонить я собиралась Володьке Кирьянову, моему давнему другу, подполковнику милиции, но сначала поинтересовалась фамилией своей клиентки. Затем, достав из сумки мобильник, набрала Кирин номер.

– Алло, – послышалось в трубке.

– Привет, Володя, у меня как всегда есть для тебя несколько вопросов, – начала я без всяких предисловий.

– Ты без этого не можешь, что ж, слушаю тебя. – Голос Кирьянова прозвучал весьма доброжелательно. – Что у тебя на этот раз?

– Меня интересует, не было ли вчера или сегодня ориентировки на Екатерину Барулину?

– В связи с чем?

– Какая разница! Меня просто интересует, не ищите ли вы эту женщину.

– Одну минуточку, сейчас посмотрю, – Владимир Сергеевич зашелестел какими-то бумагами, потом сказал: – Нет, Танюша, она нас пока не интересует. А что она натворила?

– В том-то и дело, что ничего, но не исключено, что кто-то очень хочет ее подставить. Звякни мне, пожалуйста, если вдруг это имя всплывет в связи с каким-нибудь криминалом.

– Нет проблем.

– Спасибо, – ответила я и отключилась. Раз ориентировки на Барулину не было, я сочла, что другие вопросы задавать Кирьянову преждевременно.

– Что сказал твой знакомый? – поинтересовалась Катерина.

– Нет, правоохранительные органы тебя не разыскивают, поэтому можно смело идти на стоянку и требовать объяснений по поводу исчезновения «шестерки». Так в каком направлении надо ехать?

– Это здесь недалеко. Но следует сначала объехать Детский парк, свернуть на Рабочую, затем обогнуть драмтеатр, и там, через дорогу от служебного входа, будет стоянка.

– Ясно, – сказала я и включила зажигание.

Предстоящее мероприятие явно не вдохновляло актрису. Оно и понятно, Катя рассчитывала на то, что я все буду делать за нее, а она окажется от всех ужасов, внезапно свалившихся на нее, в стороне. К тому же Катя, кажется, думала, что я буду заниматься ее проблемами задаром, из чистого любопытства и любви к процессу. Во всяком случае, она ни разу не обмолвилась про оплату. Я решила, что заговорю с ней об этом после того, как она посетит стоянку. Уж больно не хотелось портить ее боевой настрой.

Глава 2

Меня до последнего не оставляла мысль – вдруг артистка что-то напутала, например, оставила машину где-то в другом месте или с перепугу ее просто-напросто не разглядела сегодня утром через сетку-рабицу.

– Мы приехали, вон стоянка. Уже отсюда видно, что моей машины там нет, я ее в углу, прямо около забора ставила, а сейчас там пусто. Видишь?

– Вижу, – сказала я, нашла место для парковки и заглушила мотор. – Все, Катя, мобилизуй свои внутренние резервы и иди!

– Я понимаю, что это надо сделать, но все равно боюсь.

– Катя, чего именно ты боишься?

– Не знаю, после того, что случилось, ничего хорошего ожидать не приходится.

– Ладно, я пойду с тобой. Сейчас мы выходим из машины, подходим к воротам, ты демонстративно ищешь глазами свою «шестерку», естественно, не находишь ее, удивляешься и идешь, точнее, мы вдвоем идем качать права в будку к охраннику. Поняла? – Я в очередной раз обозначила Катерине ее роль, но она не спешила ее исполнять, несмотря на то что этот спектакль был в ее же собственных интересах.

Клиентка снова впала в ступор, и я не могла понять, как она справляется со своим волнением перед выходом на сцену. Тоже мне, актриса называется! Я деликатно заметила, что нам пора идти, но лицо Катеньки побледнело, будто вся кровь ушла в пятки, а рука, до которой я дотронулась, стала ледяной, несмотря на то что в салоне «девятки» было тепло.

– Так, ну мы идем или нет? – строго спросила я, устав ждать, когда Барулина самостоятельно придет в себя. – Боюсь, что мне придется отказаться от этого расследования, если ты будешь так себя вести. Что-то не получается у нас с тобой контакта!

Последнее замечание сразу привело Катерину в чувство, она встрепенулась, посмотрела на меня испуганно-молящим взглядом и сказала:

– Не бросай меня, мне больше положиться не на кого. Я готова к разговору с охранником, но если только ты будешь рядом, так сказать, для подстраховки.

– Ну, хорошо, я подстрахую тебя. Не будем терять времени, вперед! – По моей команде мы одновременно открыли дверцы и вышли из машины.

Наверное, Барулина была все-таки неплохой актрисой, потому что она очень натурально симитировала крайнее удивление и озабоченность тем, куда и каким образом исчезла ее машина, после чего быстрым, широким шагом направилась в сторону бендежки охранника. Я, разумеется, последовала за ней. Распахнув скрипучую дверь, Катя с порога бросила вопрос щупленькому дядечке лет пятидесяти, одетому в камуфляжную форму:

– Где моя машина?

Охранник, оторвавшись от телеэкрана, бросил на нас беглый взгляд и спросил:

– Простите, я не понял – что случилось? Какая машина?

– Как это что случилось? Вчера я оставила здесь свою «шестерку», а сейчас ее нет? Где она?

– Девушка, а вы уверены, что оставляли машину именно на этой стоянке? Знаете, такое иногда случается, клиент оставит где-нибудь свое авто, а потом квитанцию потеряет и не может вспомнить, где припарковался, – сказал охранник, не отрывая взгляда от экрана телевизора, на котором разворачивались хоккейные баталии.

– Это не мой случай! Я здесь рядом работаю, поэтому на этой стоянке ее и ставлю.

– Подождите, сейчас во всем разберемся, – охранник, не сводя глаз с телевизора, придвинул к себе толстый журнал, но раскрыл его, только когда началась рекламная пауза. – Вчера, говорите, оставляли?

– Да, вчера, около шестнадцати часов.

– Марка и номерной знак машины? – поинтересовался охранник, надевая очки.

– «ВАЗ-21063» красного цвета, «а 715 ро».

– Да, была такая машина, – спокойно сказал охранник, потом повернулся в нашу сторону и внимательно посмотрел на владелицу пропавшей «шестерки». – Вы гражданка Барулина, так?

– Да, это я! Паспорт показать? – с вызовом спросила Катерина.

– Не надо. Вообще-то я вас здесь частенько вижу. Знаете, в журнале отмечено, что вчера вы сами же и забрали машину, в двадцать тридцать.

– Но я этого не делала! Я хочу знать, где моя машина! Вы здесь зачем сидите? Чтобы телевизор смотреть? Если любой человек может зайти с улицы и угнать понравившийся ему автомобиль, то зачем такая стоянка нужна? Наверное, только для того, чтобы деньги собирать с автовладельцев, а охранять наши машины вы не собираетесь, да? Я вас спрашиваю! Почему вы молчите? – Катерина очень натурально вошла в роль скандалистки.

– Вы слова не даете мне сказать. Успокойтесь, пожалуйста. Вчера дежурил не я, а Чепликов, поэтому на меня не кричите, я здесь совсем ни при чем, – заверил охранник и выключил телевизор. – Сейчас я ему позвоню и выясню, что к чему.

– Уж потрудитесь, пожалуйста! – сказала Барулина и вопросительно посмотрела на меня.

Я дала ей понять, что она все делает правильно. Охранник достал из нагрудного кармана с нашивкой ЧОП «Авангард» сотовый телефон и стал звонить своему напарнику.

– Алло! Серега, тут такое дело. Ты помнишь, вчера на стоянку некая Барулина ставила красную «шестерку»? Значит, помнишь. А как она ее забирала, помнишь? Так... так... понял. Девушка. – Не на шутку озадаченный охранник повернулся в нашу сторону, – Чепликов говорит, что вы сами ее и забрали. Он это хорошо помнит.

– Этого не может быть! Я не забирала машину. – Катерина с мольбой посмотрела на меня, ища в моих глазах поддержки.

– Дайте мне трубку, я с этим Чепликовым поговорю, – сказала я и протянула руку к мобильнику.

– А вы, собственно, кто?

– Сестра, – без запинки ответила я, и охранник, пожав плечами, протянул мне свой телефон.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответил мне энергичный бас.

– Дело в том, что Барулина свою машину не забирала. Вы не могли бы все-таки вспомнить, кто это сделал?

– Ну, я уже все сказал, – замялся вчерашний охранник, его голос даже осип. Басовитые ноты куда-то исчезли. – Кто ставил красные «Жигули», тот их и забрал через несколько часов, точнее, та и забрала. Какие ко мне претензии, я не понял?

– Очень большие! Совершен угон, и вся ответственность за него будет лежать на вас. Надеюсь, вы это понимаете?

– Какой угон? Чего вы несете? Что, я эту Барулину в лицо, что ли, не знаю? – затараторил охранник. – Такая высокая, в голубой длинной куртке с опушкой и в голубой вязаной шапочке. Она частенько свою тачку у нас ставит. Я даже с ней поближе познакомиться хотел, но все не решился. А, вы меня разыгрываете, наверное?

– Нет, Сергей, мы вас не разыгрываем. А вот то, что произошло вчера, действительно похоже на розыгрыш, только совсем не смешной. Скорее всего, дело обстояло так – шел сильный снег, вы сидели в своей теплой, уютной каморке, попивали чаек, смотрели телевизор, на территорию стоянки зашли некая особа, похожая на Барулину, и вы открыли ей ворота, толком не взглянув на нее. Молчите? Значит, я права. Надо внимательней относиться к своим

обязанностям, мы будем вынуждены обратиться в милицию с заявлением об угоне, вот так! – Я отключила мобильник и сказала охраннику: – Потрудитесь сообщить о случившемся своему руководству, а мы сейчас же пойдем в ближайшее отделение милиции!

– Подождите! Зачем же сразу в милицию? Сейчас я позвоню шефу, у него, знаете, какие связи в ментовке! Вашу машину с его подачи быстрее найдут.

– Так, может, это у вас не первый случай угона? – поинтересовалась я.

– Первый, – возразил мне охранник. – Никогда прежде ничего подобного не было. И сейчас, я думаю, просто произошло какое-то недоразумение. Сергей Юрьевич во всем разберется. Сейчас я ему позвоню.

Я смекнула, что в данном случае надо не столько машину быстро найти, сколько засвидетельствовать факт угона, тогда милиция скорее поверит в то, что моя клиентка не имеет никакого отношения к убийству. Если машина была в чужих руках, то эти руки туда труп и положили. Сделав каменное лицо, я сказала:

– Катя, пошли, здесь нам больше делать нечего! Если понадобится, то мы пришьем сюда своего адвоката!

– Да, пошли, – ответила Катерина, и мы выскользнули из бендежки, не обращая никакого внимания на просьбу охранника не горячиться и не рубить сплеча.

Когда мы сели в «девятку», Барулина спросила:

– А что теперь делать?

– Как что? Идти в милицию!

– А я подумала, что ты только попугать охранников хотела, а на самом деле мы туда не пойдем. У меня нехорошее предчувствие.

– По-моему, ты сама нагнетаешь обстановку. Мне кажется, на стоянке ты и без меня бы прекрасно справилась. Катя, пойми, если ты и дальше будешь держать все в тайне от правоохранительных органов, то только наживешь себе уйму проблем. Рано или поздно сам собой возникнет вопрос – почему ты бездействуешь, если твою машину угнали?

– Да, ты права, если бы трупа в машине не было, я бы сразу туда побежала. Я уже так привыкла на машине ездить, что просто не могу представить себе, как буду обходиться без нее.

– Очень хорошо тебя понимаю. Катя, иного выхода нет, в любом случае надо сделать заявление об угоне. Не ищи себе дополнительных приключений. Пойми, в твоих же интересах вести себя так, будто ни о каком жмурике ты понятия не имеешь.

– Да, да, ты права, – Барулина не на шутку задумалась. – Обычно машины и угоняют, чтобы совершать преступления. Так в кино показывают. Это даже хорошо, что машину угнали, это действительно докажет мою непричастность, если машину с трупом где-нибудь бросят. На меня милиционеры не подумают.

– Конечно, главное – не проговориться про труп. Катя, помни, ты его не видела, и в случае расспросов твердо стой на своем – багажник был пуст. А еще лучше скажи, что ты в него не заглядывала вчера. Да, так будет лучше. Главное – не иди ни на какие провокации, и тогда все будет хорошо. Да, Катя, мы забыли обсудить с тобой финансовый вопрос...

– Да, да, мне сразу и надо было так поступить – пойти на стоянку, а потом в милицию, – Барулина проигнорировала замечание насчет оплаты моих услуг. – А я перемудрила, обратившись к тебе. Извини, Таня, что отвлекла тебя от дел. Понимаешь, просто я была не в себе от всего произошедшего. Труп, премьер, фуршет, угон... Думаю, что теперь тебе нет необходимости заниматься дальше моими проблемами. Спасибо за моральную поддержку.

Я поняла, к чему клонит Барулина – она немного успокоилась и решила отказаться от моих услуг. Вот это был удар!

– Я подвезу тебя до Октябрьского райотдела, – сухо сказала я. – Это мне по пути. Надеюсь, у тебя все будет хорошо.

– Спасибо.

Настроение у меня было паршивое, потому что сорвалось выгодное дельце. Может, у артистки просто нет денег? Скорее всего, что так. Мне стоило сразу догадаться, что моя клиентка неплатежеспособна – труд актрисы не так уж хорошо оплачивается. Я пыталась убедить себя, что при сложившихся обстоятельствах мне на самом деле не стоит взваливать на себя поиск угнанного автомобиля. Если бы меня нанял человек, заинтересованный в том, чтобы разыскать убийцу белозубого мужчины с вьющимися волосами, тогда это было бы стопудово мое расследование. А для того, чтобы разыскать угнанную машину, пусть и с трупом в багажнике, лучше обратиться в милицию. Катя, кажется, осознала, что там огромный штат постовых и участковых, и им найти машину будет проще, чем мне, а главное – они сделают это бесплатно.

Скорее всего, жмурик попал в ее «шестерку» по чистой случайности. Барулина ведь твердо сказала мне, что недоброжелателей у нее нет, и я не видела причин для того, чтобы в этом сомневаться. Это крутые бизнесмены обычно сразу вываливают на-гора огромный список своих врагов, и они, как правило, не ошибаются в своих подозрениях. Многие хотят их потопить. А что касается актрисы драмтеатра, то, наверное, у нее больше поклонников, чем недоброжелателей.

Я обманывала себя, потому что это дело меня зацепило, к тому же было очень жаль, что не состоялось пополнения бюджета. Еще неизвестно, когда позвонит новый клиент. Пусть милиционеры работают, пусть! Много ума для того, чтобы сличать номера машин, в общем-то, не надо. А для меня есть дела и позакковыристей.

Остановив машину около Октябрьского райотдела милиции, я сказала на всякий случай:

– Если вдруг что-то пойдет не так, то звони, возобновим контракт.

– Хорошо, – ответила Катерина и попрощалась со мной, одарив меня напоследок виноватой улыбкой.

Я почувствовала, что немедленно должна выпить чашечку горячего кофе, иначе настроение на весь оставшийся день будет испорчено. Через какие-то десять минут я уже сидела в ароматном тепле кофейни и маленькими глотками пила этот божественный напиток, подбадривая себя мыслью о том, что очередной клиент обязательно позвонит в самое ближайшее время. Когда раздался звонок мобильного, я подумала о том, что, может быть, это и есть тот, кто нуждается в моих услугах. Взглянув на дисплей, я поняла, что звонит Кирьянов.

– Танюша, не знаю, каким образом тебе удалось заполучить информацию раньше нас, но буквально час назад обнаружен автомобиль, принадлежащий Екатерине Александровне Барулиной, с криминальным трупом в багажнике. Мне об этом только что сообщили. Дома ее нет, на работе тоже, поэтому ориентировки с ее данными уже разошлись по городу.

– Оперативно вы работаете, – заметила я.

– Нет, Танюша, на этот раз ты нас опять обскакала. Кстати, Иванова, ты не хочешь заехать ко мне и поделиться своими сведениями?

– Володя, а почему ты и твои коллеги сразу решили, что именно она засунула в багажник своей машины этот... груз, а потом бросила машину без присмотра? – Я чуть было не сказала слово «труп», но в последний момент поняла, что не стоит говорить открытым текстом. Мужчины, сидящие за соседним столиком, откровенно прислушивались к каждому моему слову.

– Вообще-то это не я так решил, – поспешил оправдаться Кирьянов, – а оперативно-следственная бригада, которая выезжала на место. А разве это не так?

– Я думаю, что не так... Вот, возьмите, пожалуйста! Нет, Володя, это я не тебе. – Я поспешила расплатиться за кофе и вышла на улицу, чтобы можно было свободнее общаться. – Понимаешь, машину угнали...

– Как это угнали? «Шестерка» стояла около дома, в котором проживает гражданка Барулина, ее владелица, причем с приоткрытым багажником, потому что покойник крупный и не умещался там. Бдительные граждане позвонили в милицию.

– Значит, это все-таки подстава.

– Все может быть. Так ты, Танюша, занимаешься этим делом или нет?

– Даже не знаю, что тебе сказать. Начала заниматься, потом случилось так, что мои услуги больше не понадобились, а теперь хотела бы возобновить расследование, но даже не знаю, как дело обернется. Клиентка то ли прижимистая, то ли безденежная.

– Танюша, ты извини, ко мне тут пришли, созвонимся позже, – сказал Кирьянов и отключился.

Я с досадой подумала о том, что сама же послала Барулину в распростертые объятия милиции, где ее самоличного прихода никак не ожидали и, наверное, здорово ему удивились и обрадовались. В связи с новыми обстоятельствами вряд ли Катеньке поверят на слово насчет того, что ее машину угнали с охраняемой автостоянки, и, скорее всего, отпустить, пока не зададут подозреваемой все вопросы и не получат на них вразумительные ответы, не станут. Потом я поняла, что в лучшем случае Барулиной грозит подписка о невыезде, а в худшем – ее задержат по подозрению в убийстве, а потом постараются повесить на нее всех собак. Актрисе надо было спасать. У меня были в Октябрьском райотделе милиции кое-какие знакомые, поэтому я, не раздумывая долго, поехала туда, надеясь, что благодаря моим хлопотам все закончится подпиской о невыезде. Да, я собиралась снова предложить Барулиной свои услуги, чтобы поскорей найти настоящих преступников. Может быть, Катенька осознает всю серьезность своего положения и раскошелится.

Глава 3

Надо сказать, что подъехала я на удивление вовремя – Барулина как раз выходила из райотдела, причем в приподнятом настроении. Она уже не озиралась пугливо по сторонам, не присматривалась к машинам, а уверенной походкой шла к троллейбусной остановке. Мне стало ясно, что тяжелый груз спал с ее плеч.

– Катя, – позвала я.

Девушка оглянулась и с изумлением посмотрела на меня.

– Это ты? Я не думала, что ты будешь меня ждать.

– Я уехала, а потом вернулась. Садись, я подвезу тебя, а ты расскажешь, как все прошло.

Актриса улыбнулась очаровательной улыбкой и села в мою машину.

– Все прошло без сучка без задоринки. Я подошла к дежурному и сказала, что хочу сделать заявление об угоне. Он, не поднимая на меня глаз, дал листок бумаги, сказал, на чье имя писать заявление, и снова уткнулся в какие-то бумаги. В общем, я быстренько написала заявление, – принялась рассказывать Катерина, а я увидела в зеркало заднего вида, что на улицу выбежал милиционер и стал кого-то высматривать. Нетрудно было догадаться – он поздновато опомнился, что гражданку Барулину нельзя было отпускать, и теперь хотел ее вернуть обратно. – Кажется, я забыла указать свой контактный телефон. Как ты думаешь...

– Катя, прости, что я тебя перебиваю, но взгляни на того сержанта, – я чуть притормозила и показала кивком головы назад. – Ты ему отдавала заявление?

– Да, ему, а что?

– А то, что он тебя ищет. Да, да, не удивляйся. Он сразу просто не понял, что ты – это ты, а может быть, ориентировку на тебя принесли сразу после твоего ухода.

– Как?! Но ты же говорила, что меня не разыскивают!

– Говорила, но после того как мы с тобой расстались, мой знакомый снова позвонил и рассказал последние новости. – Я увидела неподдельный ужас на лице своей пассажирки. – Катя, прошу тебя, успокойся. Главное, что ты успела сделать заявление об угоне, а на стоянке подтвердят, что машину забрали вчера.

– Ага, подтвердят, что это была я! Уж не знаю, что для меня теперь лучше. Кстати, что же именно сказал ваш знакомый? – спросила Барулина голосом, полным отчаянья.

– Обнаружили твою машину...

– А покойник, он все еще был там? – с трудом выдавила Катя.

– Да, труп все еще был в машине, причем багажник почему-то был открыт. – Я не успела сказать о том, что «шестерка», ко всему прочему, еще и стояла около ее дома, у Катерины и без того началась истерика.

Она снова рыдала и содрогалась в нервных конвульсиях. Мне это, надо сказать, за сегодняшний день уже порядком поднадоело. Терпеть не могу истеричек! Но что делать – других клиентов на сегодняшний момент у меня не было, а сидеть без работы не в моем характере. Я колесила по городу, не зная, куда отвезти Катю, и курила одну сигарету за другой. Дома и в театре Барулину наверняка ждала засада, а показывать ей свою конспиративную квартиру было преждевременно – Катерина еще не сказала, что снова нуждается в моих услугах. Она вообще мало что вразумительного говорила, больше охала да ахала, беспокоясь за свое будущее. И очень переживала, что обо всем узнает ее мама.

Мало-помалу Катерина успокоилась и снова стала интересоваться подробностями, о которых рассказал мне Кириянов. Когда Катя узнала, что машину пригнали обратно к ее дому и, вероятно, специально открыли багажник, чтобы кто-нибудь особо любопытный заглянул в него, то сразу сделала вывод:

– Выходит, меня хотели подставить. Это просто не укладывается в моей голове. Я не могу понять – кому это надо. Жила себе спокойно, и вдруг начался этот кошмар!

– Катя, если ты нанимаешь меня для дальнейшего расследования, то я сделаю все, чтобы поскорее избавить тебя от этого кошмара.

Как же красиво и непринужденно я это сказала! Даже самой понравилось.

– Да, конечно, я зря отказалась от твоих услуг. Все оказалось очень и очень серьезно, как я вначале и предполагала. А потом я решила, что этот кошмар меня миновал, и расслабилась. Это было непростительной глупостью с моей стороны. Ты на меня не очень обиделась?

– Нет. О каких обидах ты говоришь!

– Тогда мы возобновляем контракт. Я заплачу столько, сколько ты скажешь, – сказала Барулина, пролив бальзам на мою душу. Но тут же все испортила, начав ныть: – Ну, за что, за что мне все это? Почему я такая невезучая?

– Может быть, ты все-таки кого-то в этом подозреваешь?

– Прости, Таня, но у меня, к сожалению, нет любимого врага, на которого сразу же можно было все это списать. Я даже не теряюсь в догадках, потому что никаких догадок нет.

– Катя, может быть, в твоей жизни был молодой человек, которому ты не смогла ответить взаимностью, и он решил отомстить тебе вот таким жестоким образом? – осторожно предположила я. – К сожалению, оскорбленные чувства зачастую толкают людей на преступления, уж поверь мне!

– Вообще-то такой человек был, – после некоторых раздумий призналась Барулина. – Сережка Родионов. Извини, что я сразу о нем не вспомнила. Просто это так давно было... Мы с ним в параллельных классах учились, он был первый хулиган в нашей школе. Я его даже поначалу боялась, а потом перестала. Мы с ним в одиннадцатом стали встречаться, но недолго... Да, реальность тех дней уже ушла в область редких воспоминаний, а когда-то дня не проходило, чтобы я не думала о нем... Я ведь после школы в Москву уехала, поступила там в ГИТИС. Закончила его, но ни в один столичный театр меня не взяли, с личной жизнью там тоже не сложилось. Пришлось в Тарасов вернуться. Два года назад я случайно встретила Сережку на улице, он напомнил мне о своих прежних чувствах, но я сказала, что приехала сюда ненадолго и что в Москве у меня есть жених.

– Это же неправда?

– Да, никакого жениха у меня там не было, но я ждала, что меня в столицу пригласят, в каком-нибудь сериале сниматься. Перед отъездом я там на разные кастинги ходила, меня вроде бы даже выбрали для одной «мыльной оперы», но надо было немного подождать... Время шло, никто меня не позвал, я рассталась со своими иллюзиями и стала здесь устраивать свою театральную карьеру. Сначала Родионов сильно досаждал меня звонками, но я была непреклонной, потому что он стал мне совсем безразличен. Понимаешь, это как угли в затухающем костре – могли бы разгореться, но не случилось. – Катя сдержанно улыбнулась. – В конце концов Сергей понял, что все его усилия тщетны, и отстал от меня. Я думала, что обиды в его сердце не осталось.

– У тебя есть его координаты?

– Да, при первой встрече Сергей дал мне свою визитную карточку, но не знаю, сохранилась она у меня или нет. – Катя покопалась в сумочке и извлекла из нее черную визитку, тисненную золотыми буквами. – Сохранилась, вот, возьми, если она тебе нужна, а мне она ни к чему.

– Так, значит, твой бывший одноклассник теперь руководит частным охранным предприятием «Авангард»? Катя, а ведь ту стоянку, с которой увели вашу машину, его бойцы охраняют. Неужели это просто случайность?

– Я не знаю, – пожала плечами Катя. – Но мне как-то не верится, что Родионов мог со мной такую «шутку» выкинуть. Думаю, что он меня любил по-настоящему, а раз так, то

даже неразделенное чувство должно было приносить ему только положительные эмоции. Мне кажется, что на месть он не способен, у него душа добрая. А то, что на той стоянке его охранники дежурят, это, по-моему, чистая случайность.

Я не стала разубеждать Катерину, хотя посчитала ее доводы смешными. Уж мне ли не знать, на что способны люди, чьи чувства были уязвлены! Мсть частенько является движущим мотивом преступлений. Впрочем, пока у меня не было никаких аргументов, доказывающих, что это именно тот случай.

– Тогда перейдем к другим кандидатам. Скажи, Катя, у тебя, наверное, есть поклонник, бойфренд, словом, мужчина, с которым ты поддерживаешь близкие отношения?

– Есть, – призналась артистка. – Но он точно не может иметь ко всему этому какое-либо отношение.

– Почему?

– Во-первых, Антон серьезный человек, банкир, – не без гордости заявила Барулина. – Конечно, не владелец банка, но и не рядовой клерк, а начальник кредитного отдела. Во-вторых, я не вижу никаких причин для того, чтобы так жестоко со мной поступать. А в-третьих, его сейчас нет в Тарасове, он уехал в командировку в Санкт-Петербург.

– Дай мне на всякий случай его телефоны.

Моя просьба вызвала у Катерины крайнее неудовольствие. Она стала защищать своего любовника, развивая каждый из трех пунктов, которые привела мне ранее.

– Да, Катя, конечно, ты знаешь Антона лучше, чем я, точнее, я о нем практически ничего не знаю, но все-таки... В жизни всякое случается... Возможно, у него была или есть женщина, которая не хочет делить Антона с тобой, и она решила избавиться от тебя таким вот нетрадиционным способом.

Катя какое-то время молчала, осмысливая мои слова, а потом вдруг выдала со всей серьезностью:

– А где она взяла труп? Они ведь на дороге не валяются. Нет, бывает, конечно, но тот точно был не бомжем.

– Где взяла труп – это уже другой вопрос. Может, в морге купила, – сказала я, понимая, что сморозила совершеннейшую чушь. – Нам с тобой надо хоть за что-нибудь зацепиться. Мне показалось, что в связи с моим последним предположением какая-то женщина пришла тебе на ум? Или я ошиблась?

Девушка несколько секунд колебалась, потом призналась:

– Я как-то слышала, что до меня у Антона был служебный роман.

– В каком банке он работает?

– «Волжский кредит», – с большой неохотой выдала Барулина.

Мне пришлось еще немало потрудиться над тем, чтобы выудить у нее информацию об Антоне. В конце концов клиентка сдалась и назвала мне телефоны своего бойфренда – служебный, мобильный и домашний. В самое ближайшее время я намеревалась выяснить, действительно ли Купцов Антон Николаевич сейчас в командировке.

– Так, а что ты слышала о его прежней пассии?

– Знаю только, что ее зовут Анастасией. А еще у нее какое-то редкое отчество, а вот какое, не помню.

– Желательно бы вспомнить. Знаешь, я недавно общалась с Иваном Эльпидифоровичем. Несмотря на свой почтенный возраст, он предпочитал, чтобы его называли просто по имени. Катя, а ты не помнишь, отчество Анастасии было производным от старославянского имени или от иностранного?

– Скорее от иностранного. На языке вертится, а вспомнить не могу.

– Хорошо, может быть, припомнишь между делом. А пока скажи, в театре у тебя были завистники?

– Таня, тебя послушать, так весь мир только и состоит из врагов и недоброжелателей! – Мой вопрос явно не понравился Катерине. – Ты считаешь, что близкие люди могут желать мне зла? Но это же абсурд какой-то! Как же жить, если никому не доверять?

– Катя, моя частная детективная практика лишила меня каких бы то ни было иллюзий. Мне доводилось расследовать столько преступлений, когда близкие и родные люди не только подставляли, но и убивали... Впрочем, не буду углубляться в историю. Во всяком случае, труп в машину подложил точно не твой друг. Значит, хоть один враг в твоём окружении, но все-таки имеется.

– Необязательно. Может быть, это все-таки роковое стечение обстоятельств? Кстати, я вспомнила отчество Анастасии. Она Микаэловна.

– Замечательно, думаю, что теперь я смогу разыскать в банке бывшую воздыхательницу твоего Антона. А как насчет театра? Ты не припомнила, кто там мог иметь на тебя зуб? Может быть, ты отбила у кого-то роль во вчерашней премьере?

– Вообще-то Аркадов сначала хотел ее отдать Майе Патраловой, но после первой же репетиции передумал. Не знаю, на чем было основано его окончательное решение, думаю, просто мне повезло больше, чем ей. Нас поменяли местами, ей дали роль без слов, с одним выходом в первом акте, а мне посчастливилось сыграть Анциферову. Распределение ролей иногда похоже на лотерею.

– Как Майя отреагировала на это?

– Очень спокойно. Патралова очень уравновешенная и доброжелательная. Она в театре на два года больше меня работает, у нее уже есть серьезные работы, но до примы ей еще далеко. Думаю, Майя поняла, что эта роль нужна мне больше, чем ей. Нет, я абсолютно уверена, что она здесь ни при чем! – Катя вдруг задумалась, а потом опровергла свои же слова: – Хотя вчера на фуршете она вела себя как-то странно, все время приглядывалась ко мне и чему-то таинственно улыбалась. Впрочем, и нервничала тоже. Знаешь, Таня, а ведь это именно Патралова задержала меня и всем объявила, что я собиралась улизнуть. Неужели это действительно Майка? Нет, я, конечно, допускаю, что чужая душа – потемки, что она могла затаить на меня злобу. Но ведь можно было отомстить как-то проще, спрятать костюм, например. Но убить человека только ради того, чтобы подставить меня, это не укладывается у меня в голове!

– Ты права. Не берусь пока судить, за что и при каких обстоятельствах убили того несчастного мужчину, но вот когда перед убийцей встал вопрос о том, куда деть труп, он мог выбрать багажник твоей машины по двум причинам, – сумничала я и, выдерживая паузу, закурила очередную сигарету.

– По каким? – насторожилась актриса. – Я и одной-то пока не вижу.

– Во-первых, потому что ему, а скорее всего, ей, это было просто удобнее всего. Твоя машина оказалась в нужном месте в нужное время. В этом случае речь может идти о случайных и крайне неблагоприятных для тебя обстоятельствах. Во-вторых, убийца, давно подогреваемый желанием сделать именно тебе какую-нибудь пакость, мог пойти на дополнительные хлопоты и подбросить в багажник твоей машины труп.

– Ой, ну ведь это так сложно! Нужны ключи не только от моей «шестерки», но и от ворот.

– Пустяки, – сказала я, выдыхая дым.

Лично для меня замки никогда не были препятствием, потому что в моей сумке имеется набор отмычек и я неплохо умею ими пользоваться. Впрочем, в словах Катерины было рациональное зерно. Для среднестатистического гражданина замки действительно закрывают чужие двери. Стоп! Угонщику надо было также воспользоваться ключом, чтобы завести машину. Возможно, он или она сделали слепки с Катиных ключей. Такая возможность наверняка была у Майи Патраловой, да и у других работников театра. Впрочем, Антон тоже имел доступ к связке ключей, принадлежащей Катерине. Любовнику не так уж сложно выбрать момент, чтобы сделать с них слепки. Второй комплект ключей находился у Катининой мамы. Мне не хотелось ее

подозревать, да и оснований на то пока никаких не было, но тем не менее эту женщину тоже могли окружать злые люди, которые выкрали ее ключи или воспользовались ими, чтобы заказать себе дубликаты.

– Почему ты молчишь? – Вопрос клиентки прервал нить моих размышлений. – Ты не решаешься мне сказать, что мое дело безнадежное?

– Нет, что ты! Я берусь за это расследование и надеюсь, что смогу снять с тебя подозрения, но, знаешь ли, без аванса я не работаю.

– Извини, о деньгах я как-то совсем забыла. Дело в том, что сейчас мой кошелек практически пуст. Татьяна, ты не волнуйся, у меня есть деньги, мне папа присылает из Америки доллары, и я кладу их в банк.

– Не в «Волжский кредит» случайно?

– Да, у меня вклад именно в том банке, где работает Антон. Что в этом плохого?

– Ничего. У тебя, наверное, кредитная карточка с собой имеется? – как можно непридуманнее поинтересовалась я.

– Да, я про нее совсем забыла, в ближайшем банкомате я сниму нужную сумму. Папа мне периодически делает денежные переводы, у него в Штатах хорошая работа, он преподает в университете. Мама не захотела поехать с ним, точнее, испугалась все бросить здесь, поэтому они разошлись. Отец вскоре там женился на русской эмигрантке, она почти моя ровесница. Правда, я ее не видела и не горю желанием увидеть. Мне несколько раз доводилось общаться с ней по телефону, так она начинала ехидничать и даже называла меня дочкой. Какая я ей дочь, если у нас разница в возрасте – пять лет! Если уж у меня и есть недоброжелатели, то это она – Наталья, супруга моего отца.

Катерина то ли по простоте душевной, то ли специально стала рассказывать мне свою семейную историю, и я поначалу тоже стала подозревать молодую мачеху в чем-то нехорошем. Чем больше негатива выплескивала на нее моя клиентка, тем больше я склонялась к мысли, что все подозрения против мачехи надуманные. Если бы Наталья хотела избавиться от дочери своего мужа, она бы не стала выбирать такую извилистую тропинку для достижения своей цели. Ей был бы прямой смысл «заказать» падчерицу, а не подставлять, подбросив в машину труп. К тому же Наталья находилась слишком далеко, на другом континенте, а в Тарасове, по словам Кати, она сроду не была, значит, связей здесь не имела. Короче, от версии, что мачеха замешана во всей этой истории, я быстро отказалась.

Остановив машину около банкомата, попавшегося по дороге, я слишком откровенно намекнула Барулиной, что ей необходимо снять деньги. Но клиентка сделала вид, что не поняла моего намека, и стала усердно поправлять рукой ярко-рыжие волосы, выбившиеся из-под вязаной шапочки. Пришлось сказать открыто, что я хотела бы немедленно получить аванс. Катерина поджала от неудовольствия губы, но все-таки вышла из машины, чтобы снять нужную сумму. Пока Катя мерзла в очереди у банкомата, я решила позвонить Кирьянову.

– Володя, это снова я. Скажи, пожалуйста, а личность мужчины, находившегося в багажнике, установлена?

– Ты все-таки занялась этим расследованием? – Киря ответил вопросом на вопрос, причем в его голосе послышалось какое-то недовольство.

– Разве ты имеешь что-нибудь против?

– Нет, просто я думаю, что нам надо объединить наши усилия. Это дело как раз поручили мне.

– Замечательно! Ну, так что насчет его фамилии?

– К сожалению, он был без документов. Сейчас мои люди просматривают сведения о пропавших гражданах.

– Володя, ты позвонишь мне, если личность жмурика будет установлена?

– Татьяна, думаю, что по телефону обсуждать такие вопросы не стоит. Нам надо будет с тобой встретиться и поговорить о твоей клиентке. У следствия к ней есть много вопросов, но, насколько я понял, она не намерена на них отвечать, раз сбежала из райотдела.

– Никуда она не сбежала, – сказала я уже в присутствии Катерины, подсевшей в машину. – Она написала заявление об угоне и спокойно ушла. Просто сержант поздно опомнился.

– Все равно нам надо с тобой встретиться, – твердо сказал Кирьянов. – Сейчас я буду проводить планерку, а потом перезвоню тебе.

– Хорошо.

– Ты разговаривала все с тем же милиционером? Что он тебе сказал? – спросила Барулина.

– О твоём появлении в Октябрьском райотделе уже стало известно следственной группе из горуправы.

– Это хорошо или плохо?

– Скорее хорошо.

– Вот. – Катя не без сожаления вручила мне кругленькую сумму, после чего я почувствовала, что могу работать в полную силу.

– Катюша, скажи, ты занята в театре ближайшие дни?

– Сегодня я совершенно свободна, завтра с утра репетиция, а вечером мне тоже надо быть в театре. Я дублирую Сазонтьеву – если она вдруг заболит, то тогда надо будет играть мне.

– Так, что делать завтра, мы решим с тобой позже, после обстоятельного разговора с моим другом. А сегодня тебе лучше на своей квартире не появляться. – Я подумала, что одних моих доверительных отношений с Кирьяновым недостаточно для того, чтобы ориентировку на Барулину отменили.

У меня не было никаких сомнений, что дома и на работе мою клиентку уже «пасут», ведь именно она является подозреваемой номер один. Зная методы работы правоохранительных органов, стиль их общения с подозреваемыми, я решила, что Катюше, с ее тонкой душевной организацией, лучше пока не встречаться с сотрудниками милиции и прокуратуры. На мой взгляд, не будет ничего противозаконного в том, что Барулина сегодня не появится у себя на квартире и даже переночует где-нибудь в другом месте. Она взрослый человек и вполне может позволить себе легкий загул, к тому же, по нашей легенде, она ничего не знает о трупе. То, о чем я говорила с Кирьяновым и буду говорить с ним в частных беседах, не в счет. У нас с ним свои дела.

– Но мне некуда пойти, – после некоторых раздумий сказала Катя. – Если бы Антон был в Тарасове, то я могла бы переночевать у него, даже не объясняя ему, что скрываюсь от следствия. Конечно, можно пойти к маме, но вот с ней-то как раз придется очень серьезно объясняться. Она не любит никаких неожиданностей, к тому же мне совсем не хочется встречаться с Владом.

– А кто такой Влад?

– Это мамин муж. Я не могу сказать, что он плохой человек, но я очень люблю своего отца, поэтому для меня Владислав Витальевич просто чужой человек.

– Ясно, тогда я могу отвезти тебя к себе. Поживешь пока там.

– Мне, наверное, долго придется скрываться, – обреченно сказала Барулина, потом немного подумала и категорично отрезала: – Нет, такая перспектива меня совсем не устраивает! Ты предлагаешь мне удариться в бега, будто я в чем-то виновата. А как же моя работа? Конечно, на завтра я смогу отпроситься, а послезавтра у меня спектакль.

– Ты, конечно, можешь и не скрываться. Просто подозрения сразу пали на тебя, поэтому естественно, что у тебя хотят взять показания. Если у тебя хватит сил и самообладания пообщаться со следственной бригадой, то тогда смело отправляйся домой, тебя там встретят. Может быть, так даже будет лучше.

Я легко пошла на то, чтобы изменить свое решение, но Катя от этого не повеселела. Ее явно что-то заботило, какая-то новая волна опасений нахлынула на нее. В тот момент, когда я уже хотела деликатно расспросить ее об этом, она сама сказала:

– Таня, знаешь, что у меня не выходит из головы?

– Нет.

– Время, в которое забрали машину со стоянки. Это как раз конец спектакля, и я в это время была свободна. Моя героиня уходит со сцены за пятнадцать минут до окончания, а потом должна выйти вместе со всеми на поклон. Самое ужасное то, что я не была на поклоне.

– Почему?

– Знаешь, я так перенервничала, что у меня начались кишечные колики, поэтому пошла в туалет, а потом подумала, если уж я на сцену все равно опоздала, то надо уходить совсем. Я быстренько переоделась и пошла к служебному выходу, где и наткнулась на Патралову. Она меня и завернула обратно. Выходит, что у меня нет алиби. Примерно полчаса меня никто не видел, а за это время можно сбежать к стоянке и увезти оттуда машину.

– Так, это уже интересно, а главное, наталкивает на мысль, что во всем этом замешана Майя или кто-то другой из театра. Ведь только театральные работники могли так удачно выбрать время для угона «шестерки». Катюша, скажи-ка мне, как была одета Патралова, когда вы встретились с ней в коридоре?

– Она все еще была в сценическом костюме и с ярким гримом. Вряд ли она в таком виде выходила на улицу.

Я подумала, что Майя могла действовать с кем-нибудь в сговоре, а потому лично и не угоняла автомобиль, а только дала наводку и задержала Барулину, чтобы та прежде времени не обнаружила отсутствие «шестерки» на стоянке. Короче, Патралова была моей основной подозреваемой. Мне надо было непременно с ней встретиться и допросить с пристрастием, но только не в присутствии Катерины и не в стенах театра.

– Катя, как ты думаешь, Майя сейчас в театре?

Клиентка посмотрела на часы, немного подумала, а потом сказала:

– Кажется, у нее была утренняя репетиция, но сейчас она уже закончилась. Вечером у нас «Ревизор», но, честно говоря, я не знаю, какой состав сегодня играет. Может быть, Патралова, а может, и нет.

– В любом случае сейчас Майя свободна. Как ты думаешь, где она может быть?

– Скорее всего, дома – у нее ребенок маленький, когда Майка на работе, Шурик сидит с нянькой-соседкой.

– А ты знаешь, где она живет?

– Знаю, была у нее несколько раз, но точный адрес не назову. Могу объяснить, где это, на словах.

– Давай.

– Майя живет на Татарской улице, в частном доме. Номер не помню, но если идти от трамвайных путей в сторону мечети, то ее дом – по правой стороне, второй по счету.

– Ясно. Ну что, Катя, поедешь ко мне?

– Если это удобно, – замялась Катерина. – Я не буду тебя стеснять?

– У меня две квартиры, так что там, куда я собираюсь тебя отвезти, ты будешь одна.

– Я согласна, мне совсем не хочется, чтобы меня определили на эту ночь в камеру предварительного заключения.

– Вот и хорошо.

По дороге на мою конспиративную квартиру мы заехали в магазин, Катя купила себе зубную щетку и кое-какие продукты. Я провела с ней небольшой, но серьезный инструктаж о том, что надо отключить мобильник и общаться со мной только по домашнему телефону, у

которого есть определитель номера. Барулина пообещала мне, что будет вести себя в строгом соответствии с моими рекомендациями, на том мы с ней и расстались.

Глава 4

Вернувшись в машину, я достала из бардачка малиновый бархатный мешок с гадальными двенадцатигранниками, чтобы задать им вопрос насчет перспектив расследования. Меня уже давно подмывало это сделать, но в присутствии Катерины гадать не хотелось. Теперь такая возможность у меня наконец-то появилась. Задумавшись над точной формулировкой вопроса, я поняла, что меня все-таки интересует, правильно ли я поступаю, скрывая Барулину от следствия. Метнув три косточки на переднюю панель «девятки», я присмотрелась к цифрам, написанным на их верхних гранях. Они составили комбинацию: 20+25+12. Это означало: «Помните: лучшее – враг хорошего!»

Прямого и конкретного ответа на свой вопрос я не получила, но, немного подумав, истолковала его все-таки в свою пользу. Наверняка любой человек, не заинтересованный в исходе следствия, решил бы, что правильнее Катерине дать показания следователю. Он стал бы рассуждать примерно так: если Барулина невиновна, то и бояться ей нечего. А вот я с этим не могла согласиться! Не было никакой гарантии, что настоящий преступник не обставил все таким образом, что отмыться от обвинений в убийстве было бы очень легко. Вот и получилось бы, что лучшее стало бы врагом хорошего. Но двенадцатигранные косточки не только приняли мою сторону в этом вопросе, они еще и указали мне на то, что об этом надо постоянно помнить. Значит, по ходу следствия еще возникнет ситуация, когда это толкование придется взять за ориентир.

Я убрала косточки в мешок, а затем обратно в бардачок. Потом я немного пораскинула мозгами и решила нанести визит Майе Патраловой, поэтому дала задний ход, развернулась и поехала в Волжанский район, на Татарскую улицу. Аргументов, чтобы подозревать Катину коллегу в причастности к подставе с трупом, было много. Барулина перехватила у нее интересную роль, возможно, нанесла этим огромный урон ее самолюбию, да и кошельку – это раз. Патралова могла стащить из гримерки ключи и сделать с них слепки – это два. Она знала с точностью до минуты, когда Катерина уходит со сцены, – это три. Именно Майя задержала ее в театре после спектакля и не позволила обнаружить угон машины по горячим следам – это четыре. Наконец, Патралова во время фуршета нервничала и в то же время смотрела на Барулину с таинственной улыбкой – это пять.

Нет, Таня, обольщаться еще рано. Ни один из этих пяти пунктов пока ничего не доказывает, все это лишь предположения, которые требуют доказательств. Именно на последнее я и рассчитывала, отправляясь домой к Патраловой. Да, я собиралась действовать нахрапом, не дав своей подозреваемой опомниться, сразу сразить ее обвинениями.

Минут через пятнадцать я была уже на месте. Выйдя из машины, я собралась подойти к калитке, но вдруг обнаружила, что мне придется прокладывать дорогу по снежной целине. Снега за последнюю неделю навалило с полметра, если не больше, поэтому нетрудно было сделать вывод, что в дом, где жила Патралова, давно никто не заходил. Может быть, Катя дала мне неправильные координаты? Проверить это было нетрудно, поэтому я прошла по дороге вперед, а затем свернула на тропинку, аккуратно прочищенную от снега, и остановилась около невысокого забора.

В доме, напротив которого я остановилась, точно кто-то должен был быть – из трубы валил дым, значит, там топили печь. Мне, привыкшей ко всем благам цивилизации, было трудно понять, как можно в начале двадцать первого века отапливать жилище, находящееся едва ли не в центре миллионного города, дровами. Но кто-то поступал именно так. Впрочем, вскоре мне снова пришлось удивиться – калитка оказалась незапертой. Я вошла в палисадник, ожидая, что на меня тут же бросится какая-нибудь шавка, возвещающая своим громким лаем о визите незнакомого человека. Но не тут-то было! Оказалось, что не только калитка открыта,

но и четвероногого сторожа во дворе нет. Удивительная беспечность! Я прошла по дорожке до крыльца, поднялась по ступенькам и постучала в дверь, никакой реакции на это не последовало. Тогда мне пришло в голову, что надо постучать в окошко. Из-за занавески выглянула девушка и кивком головы дала мне понять, что сейчас откроет дверь.

Наконец мне отворили, и я оказалась лицом к лицу с молоденькой хозяйкой.

– Здравствуйте, – сказала я. – Скажите, как мне найти Майю Патралову?

– Проходите, – ответила девушка так, будто это она и есть. Для актрисы, уже несколько лет играющей на сцене, она выглядела слишком молодо. Переступив порог, я уточнила: – Вы Майя?

– Нет, меня Мариной зовут, а Майя – это моя соседка. А вы кто? – запоздало поинтересовалась девушка.

– Частный детектив. Марина, я хотела бы с вами поговорить.

– Да? А я сначала подумала, что вы за щенком пришли. Майка обещала мне покупателя порекомендовать. Ну, все равно проходите, может, кто-то вам приглянется и вы захотите купить щенка. Я недорого продаю. – Девушка показала рукой в угол комнаты, где лежала рыжая чау-чау со своими пушистыми комочками.

– Какая прелесть! – воскликнула я. Щенки на самом деле были очаровательны, но только в мои планы никак не входило заводить собаку. Я постаралась объяснить Марине, что моя профессия не позволяет мне иметь домашнего питомца. – Понимаете, я иногда по нескольку дней не появляюсь дома, а ведь собаку выгуливать надо, к тому же сама-то поест иногда забываю, а про нее и вовсе могу не вспомнить.

– Жаль, – вздохнула девушка. – Вы сказали, что хотели со мной поговорить. А что случилось-то?

– Я ищу Майю, но ее, кажется, нет дома.

– Нет, – подтвердила Марина. – Она недавно переехала.

– Вы случайно не знаете, куда?

– Понятия не имею. Она мне не сказала свой новый адрес.

– А когда Патралова переехала и с чего бы это вдруг?

– Несколько дней назад. Она вроде как замуж вышла.

– Так, значит, Майя была не замужем? Но у нее, кажется, сын есть?

– Да, Шурик. Я с ним частенько сидела, когда Майка в театре была занята. Такой мальчик хороший!

– А где его отец?

– Майя с первым мужем давно разошлась, я его даже не видела никогда. После развода она сюда переехала, бабушка ее как раз умерла.

– А нового мужа видели?

– Только из окна. Он мужчина в возрасте, ему лет сорок. Знаете, он очень высокий и совершенно лысый.

– Он что же, зимой без шапки ходит?

– В шапке, но у нас окна напротив. Дома-то он раздевался!

– Это все, что вы можете о нем сказать?

– Машина у него дорогая, иномарка.

– Номера его вы не запомнили случайно?

– Нет. У меня плохая память на числа. – Марина смущенно улыбнулась. – Три дня назад он все вещички Патраловых перевез к себе. Я спросила у Майки – кто с Шуриком сидеть будет? А она сказала, что свекровь. Вот так.

– Может быть, Майя упоминала, как зовут ее нового мужа, где он работает?

– Зовут его Константином, фамилию не знаю. У него свой бизнес, что-то с компьютерами связано, то ли продажа техники, то ли программного обеспечения, а может быть, и то и другое.

– А название фирмы?

– Не знаю.

– Мариночка, а этот Константин появился в жизни Майи внезапно или вы его раньше видели?

– Видела раньше. У них этот роман уже больше года длится. Майка как-то призналась, что на замужество с ним она даже и не рассчитывает. И вдруг вот так все по-серьезному обернулось. Я, конечно, за Майку рада, но сама без работы осталась. Она ведь мне приплачивала за то, что я с Шуриком сидела. Простите, а почему вы все-таки о ней спрашиваете, с ней что-то случилось?

– Нет, с вашей бывшей соседкой ничего не случилось, просто я хотела с ней поговорить об одном деле.

– Так вы в театр ходите, – посоветовала Марина.

– Спасибо, я так и сделаю, – ответила я и поспешила уйти.

Внезапный переезд Патраловой наводил на определенные размышления. Он почти совпал по времени, точнее, на день предшествовал трагическим событиям, ворвавшимся в жизнь Екатерины Барулиной. Выходило, что до этого две артистки драмтеатра жили себе, не тужили, и вдруг у каждой настали кардинальные перемены. Одна вроде как замуж вышла, а другая сразу после этого едва не попала за решетку. Конечно, прямой связи между замужеством Майи и трупом в багажнике Катинной машины не было, но, возможно, она все-таки имелась, поэтому ее надо было попробовать проявить. Я села за руль, закурила и задумалась над тем, что мне делать дальше. До начала вечернего спектакля была еще уйма времени.

Но, кроме Патраловой, у меня были и другие подозреваемые, вот ими я и решила заняться.

Чтобы сразу убить двух зайцев, я позвонила в банк «Волжский кредит». Мне ответил приятный женский голос:

– Добрый день.

– Здравствуйте, я хотела бы поговорить с Антоном Николаевичем.

– Он в командировке. Если вы по вопросу кредитования, то я могу соединить вас с его заместителем или специалистом, который даст вам любую консультацию.

– А с Аленой Микаэловной вы меня можете соединить?

– Конечно, ведь Прусакова как раз и есть заместитель Купцова. Подождите минуточку, я соединю вас с Еленой Микаэловной.

Опаньки! Значит, у Антона был служебный роман со своей «замшей». Интересно, прежние отношения не мешают им работать? А кто сказал, что их роман уже в прошлом? Катенька. Наивная, слабонервная девочка! Она может просто не знать реальное положение дел. Возможно, Купцов им обеим морочит голову, и Алена задумала устранить соперницу таким вот нестандартным способом. А где она взяла труп? Вопрос, конечно, интересный, но я подумаю над ним позже. После долгого пиликанья в трубке раздался хриловатый, немного простуженный голос:

– Да, слушаю вас.

– Здравствуйте, моя фамилия Иванова. Я договаривалась с Антоном Николаевичем о встрече, но, оказывается, он уехал в командировку.

– Да, он в Санкт-Петербурге, на семинаре. Чем я могу вам помочь?

– Вообще-то Купцов говорил мне, что может уехать, и в этом случае он рекомендовал обратиться к вам лично. Елена Микаэловна, понимаете, я хочу взять в вашем банке кредит на покупку квартиры, но у меня еще не погашен другой кредит, и Антон Николаевич обещал. – Я замолчала, потому что не смогла с ходу придумать, что же мне мог обещать Купцов.

Впрочем, заминки в нашем разговоре не произошло. Елена Микаэловна спросила:

– А предыдущий кредит вы тоже брали в нашем банке?

– Да, – ответила я, надеясь, что среди клиенток этого банка найдется несколько моих однофамильцев.

– Хорошо, подходите ко мне. Я посмотрю вашу кредитную историю и подскажу, какие возможны варианты.

– Можно, я подойду в течение часа?

– Конечно, я закажу вам пропуск.

«Вот и умничка! – подумала я, отключая мобильник. – Это как раз то, что мне надо». Если Прусакова имеет какое-то отношение к трупам, то в банке она наверняка чувствует себя в полной безопасности, и тем проще мне будет ее расколоть. Я отдавала себе отчет в том, что мне придется вести себя там в рамках приличия – кричать и распускать руки для устрашения не получится, но задать парочку каверзных вопросов мне никто не запретит! Ну, в крайнем случае вызовет Микаэловна охрану, ну выпроводят меня из банка, если я буду вести себя неподобающим для этого заведения образом, так это совсем не страшно. Я не собиралась в будущем ни брать там кредит, ни держать там деньги, поскольку предпочитаю сразу же тратить то, что заработала. Все равно составить какое-то мнение об этой особе мне удастся, а потом можно будет уже и адресок пробить, чтобы навестить ее дома. Итак, я собралась идти ва-банк в прямом и переносном смысле этого слова.

В тот момент, когда я парковала машину около «Волжского кредита», мне позвонил Кириянов и очень серьезным голосом назначил встречу неподалеку от горуправы. Я не могла тотчас рвануть по назначенному адресу и поэтому попросила у Володьки отсрочку:

– Понимаешь, я уже договорилась об аудиенции с одной подозреваемой. Давай встретимся не через полчаса, а по крайней мере через час.

– Хорошо, как освободишься, подъезжай к горуправе и позвони мне, я к тебе выйду. По телефону обо всем не поговоришь, да и в кабинет то и дело кто-нибудь заходит, поэтому лучше обсудить детали на нейтральной территории, – сказал Кириянов.

По Володькиной интонации нетрудно было предположить – он будет убеждать меня в том, что я напрасно уверовала в невиновность своей клиентки. Скорее всего, все улики, а может быть, даже свидетельские показания доказывали вину Барулиной, а потому разговор с подполковником милиции мне предстоял не из легких. Пока у меня не было никаких контраргументов, опровергающих предположение, что моя клиентка – преступница. Правда, мы всегда с Кирияновым находили общий язык, но сегодня в его голосе отчетливо слышались неизвестные мне до сих пор жесткие нотки. Присутствовало и какое-то раздражение или даже упрек. Конечно, Кириянов ведь догадывался, что я укрывала его подозреваемую! Наверное, даже знал, где именно, но я была уверена, что Владимир Сергеевич не пошлет на мою конспиративную квартиру своих ребят, по крайней мере до момента, пока не поговорит со мной.

Сколько дел мы расследовали вместе с Кирей! Чего уж греха таить, только благодаря сотрудничеству со мной он едва ли не каждый год получал очередные звания и уверенно продвигался по служебной лестнице! Начальство поощряло Кириянова за то, что он повышал процент раскрываемости преступлений, особенно тяжких, а главное – считавшихся на первый взгляд «глухарями».

Ладно, Таня, не заикливайся на Кире, с ним ты всегда сможешь договориться, а вот что за штучка эта Микаэловна?

Через несколько минут я уже поднималась по лестнице на второй этаж, где располагался кредитный отдел банка. Вообще-то к рядовым сотрудникам этого отдела был свободный доступ, а вот начальство сидело хоть и за стеклянными, но закрытыми перегородками. Охранник проверил мои документы и пропустил к Прусаковой.

Елена Микаэловна оказалась очень худой, рыжеволосой особой. У нее было веснушчатое лицо, которому при помощи персикового тонального крема она тщетно пыталась придать ровный тон. Я представила себе, сколько килограммов «штукатурки» она уже извела на то,

чтобы попытаться скрыть свои веснушки, и сколько еще изведет за всю оставшуюся жизнь, и невольно усмехнулась. Неблагодарное и дорогостоящее это занятие – исправлять природные изъяны!

– Значит, это вы звонили мне недавно по телефону? – спросила «замша» Катиного бойфренда, изучая меня пристрастным взглядом. – Вы знакомая Антона Николаевича или его родственница?

– Ни то ни другое, – ответила я, расстегивая шубку.

– А почему вы тогда рассчитываете на какие-то привилегии?

– Да я, собственно, на них и не рассчитываю. Просто мне хотелось бы с вами поговорить. – Я без всякого разрешения определила свою шубу на вешалку, прошла к столу Прусаковой и села на стул для посетителей, закинув ногу на ногу.

– Хорошо, давайте поговорим. Напомните мне свою фамилию, я посмотрю вашу кредитную историю.

– Моя фамилия – Иванова, только у меня нет никакой кредитной истории в вашем банке. Я – частный детектив и пришла с вами поговорить об одном преступлении, – сказала я, внимательно наблюдая за Аленой Микаэловной.

Прусакова, можно сказать, была сражена моими словами наповал.

– Я не понимаю, о каком преступлении идет речь, – еле выдавила Прусакова. – Вы же сказали, что хотите взять кредит на покупку квартиры. Почему вы меня обманули?

– Я пошутила. На самом деле у меня все в порядке с квартирным вопросом, улучшать свои жилищные условия я не собираюсь. Елена Микаэловна, скажите, пожалуйста, вы знаете Екатерину Александровну Барулину?

– А почему я должна ее знать? Это кто – сотрудница банка или наша клиентка?

– Да, она клиентка банка, но я имела в виду совсем другой аспект.

– Какой?

– Вашу личную жизнь, – заявила я, откинувшись на спинку стула.

Микаэловна метнула на меня ошарашенный взгляд и спросила:

– На что вы намекаете?

– Вы не ответили на мой вопрос. Я повторяю его: вы знаете Екатерину Барулину?

– Нет, я с ней незнакома, – ответила Прусакова почти спокойно и улыбнулась.

Мне даже показалось, что она ждала от меня какого-то другого вопроса, а этот оказался ей совершенно безобидным. То ли моя Микаэловна была хорошей артисткой, то ли она действительно не имела никакого отношения к преступлению, которое я расследовала.

– Хорошо, тогда скажите, пожалуйста, где вы были вчера вечером, между восьмью и девятью часами?

– Конечно, я могла бы не отвечать больше ни на один ваш вопрос, а позвать охранника, но я отвечу, потому что мне совершенно нечего скрывать. Вчера вечером я была дома, пришла около семи и больше нигде не уходила. – Прусакова натужно улыбнулась.

– Кто это может подтвердить?

– Саша, это мой муж, да и соседи.

– Вы давно замужем?

– Нет, это уже переходит все границы! – попыталась возмутиться Прусакова, но, судя по тому, как она пыталась скрыть улыбку, она даже была довольна, что я интересуюсь не тем, чего она первоначально испугалась. – Но хорошо, я отвечу – недавно, три месяца. Еще вопросы есть?

– Сегодня утром вы были на работе?

– Да.

– Ваши подчиненные смогут это подтвердить?

– Ну, разумеется. Позвать кого-нибудь?

– Пожалуй, нет, я вам верю, – ответила я и встала, чтобы уйти.

Прусакова тоже поднялась, создавая видимость, что наш разговор носил дружески деловой характер. Стены-то были прозрачными, и подчиненные исподтишка поглядывали на свою начальницу. Прусакова была невысокого роста, поэтому вряд ли она могла сойти за Катерину. Женщина, которая забирала вчера «шестерку» со стоянки и, наверное, подгоняла ее сегодня к дому Барулиной, должна была быть сантиметров на двадцать выше. Не будь внешнего сходства, вся операция бы провалилась. А у Кати и Алены общее было только одно – рыжие волосы, но у моей клиентки крашенные, а у Прусаковой – натуральные. Наверное, Купцов западал на рыженьких. Впрочем, для успеха операции цвет волос не имел никакого значения, потому что угонщица была в синей вязаной шапочке, точно такой же, как у Катерины.

Что ж отрицательный результат тоже результат! Теперь я смело могла вычеркнуть Прусакову из списка своих подозреваемых. Дело было даже не в том, что она не была похожа на мою клиентку. Я узнала, что Елена Микаэловна вышла недавно замуж, стало быть, она не имела мотива пакостить любовнице своего бывшего возлюбленного и тем более устранять ее как соперницу. Конечно, какой-то грешок за Прусаковой водился, но, если он не касался моего расследования, мне до него не было никакого дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.